СЕРИЯ
ВЕРУЮ

Т. В. ШИПОШИНА

КАК МНЕ ХОЧЕТСЯ ПРОЗРЕТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
МОСКВА • 2011

УДК 244
ББК 86 372
Ш 63

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

Шипошина Т. В.

Ш 63 Как мне хочется прозреть. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. — 448 с. — (Верую).

Эта книга о том, как современный человек становится верующим. В мятущемся житейском море люди разными путями ищут Правду. И каждому в своей мере Господь открывает Истину, каждого призывает в Царствие Небесное. Книга рассказывает о чуде, которое происходит в жизни человека, когда он находит Бога.

ISBN 978-5-88017-180-4

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011
© Т. В. Шипошина, 2011

Как мне хочется прозреть

Повесть

И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы.

Ин. 9, 39

Лучше один, творящий волю Господню, чем тысячи беззаконников.

Свт. Иоанн Златоуст

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Я вернулся раньше, чем обычно. Часа на два. Таси не должно было быть дома. В это время она на работе, в ресторане. Я не стал звонить в двери, начав открывать их своими ключами.

Сначала одну дверь, потом вторую.

Пока я открывал первую дверь, я еще ничего не чувствовал. Но когда я стал открывать вторую... Нет, я ничего не слышал. Я просто ощутил шевеление там, за дверью.

Когда ключи звякнули, я услышал противные звуки суеты. Сдавленные, чужие звуки. В ответ на звяканье ключей, разумеется. Это были звуки суеты, но не звуки одного человека.

Это были звуки двух людей.

Я открыл двери.

— Саша, ты?

— Да, Тася. А ты почему дома?

— А ты почему?

— Отпросился.

— И я отпросилась.

— Вот и прекрасно, — сказал я. — Ты одна?

— Одна, — сказала моя жена.

Она врала. Я уже стоял в прихожей. Я снял куртку и повесил ее на свое обычное место, на вешалку. Я снял ботинки и встал на пороге нашей спальни.

Я знал, что в комнате два человека. И тот, второй, несомненно, был мужчиной. Я чувствовал его всей своей кожей. Кажется, я даже слышал его дыхание — тихое, скрытное...

И еще был запах. Чужой запах. Этот чужой запах смешивался с запахом моей жены. Оба эти запаха плавали в запахе постели и всего того, что в ней только что произошло.

Мне стало стыдно, и я вышел на кухню.

— Вот и хорошо, что ты рано пришел, — искусственным голосом заговорила жена. — В кои-то веки пообедаем вместе. А у меня так голова разболелась, что я пришла, разделась, и сразу в кровать... А на работу я позвонила. Еле уговорила этого дурака, старшего нашего. Договорилась, что к десяти вечера приду. Сегодня же понедельник...

Таська тараторила. Сквозь ее голос я слышал звуки натягивания одежды. Разве мог я не знать этих звуков, ведь мы были женаты уже третий год. Как ни старалась она говорить громко и громко надевать свои лифчики и колготки, звуки второго человека... звуки одежды, натягиваемой мужчиной, тоже были слышны.

Потом она повела его в прихожую. Полы скрипнули. Она была умницей, моя жена. Она встала на

пороге ванной и уронила на пол тазик. В это время он открыл дверь и выскользнул на лестничную площадку.

И уже после этого она, нарочито громко, снова хлопнула дверью. Сама.

— Что это там? — спросил я.

— Да проверяю, хорошо ли ты закрыл двери, — ответила она.

— Ну и как, хорошо?

— Хорошо.

— А разве я закрывал их когда-нибудь плохо?

— Ты у меня молодец! — она почувствовала себя в безопасности и решила, что уже можно подойти ко мне и даже слегка обнять.

Эдакое Иудино лобзание. Ложь... Ложь, вранье... надругательство... И противный чужой запах...

Я уже давно знаю, что жена меня обманывает. Я уже давно это почувствовал. И мне уже давно стало трудно... почти невозможно быть с нею. Но застал с любовником — впервые.

Я отвел от себя руку жены и отодвинулся от нее, чтобы она меня не касалась. Пространство в том направлении, где стояла Тася, ощутимо вибрировало. Мне показалось, что моя щека онемела.

— Он уже ушел? — спросил я.

— Кто?

— Не прикидывайся. Я знаю, что ты была с ним, и была — не в первый раз.

— Откуда ты знаешь?

Я молчал. Несмотря на то что я не ощущал особой злости, я не мог не понимать, что любое называние вещей своими именами — не может не вести к изменению условий существования. Нашего с ней существования. Моего существования.

Моего существования как личности. И моего существования как субъекта в мире этих материальных вещей и предметов. В этом окружающем меня мире, не совсем хорошо под меня подогнанном, не совсем точно на меня рассчитанном...

Если бы я мог не думать об этом! Если бы я не думал об этом! Если бы я сто, тысячу раз уже — не думал об этом!

Думал, конечно, я думал... И было это не весело, и было это больно. И должно было стать еще больнее. И я это знал.

Но ложь... Что может быть низменнее, что может быть паскуднее постельной лжи?

Глава 2

Я слепой. Я слепой от рождения. У меня есть, в принципе, воспринимающий зрительный аппарат, всякие там хрусталики и даже палочки-колбочки. Правда, аппарат этот атрофирован от бездеятельности. Судя по всему, у меня все в порядке и с корой головного мозга, то есть с той ее частью, которая называется зрительным анализатором. А вот соединение того и другого — у меня отсутствует. В том месте, где должен быть зрительный нерв, — у меня всего лишь некий тяж, состоящий из плотной ткани. И поэтому я ничего не вижу.

Мать заметила неладное месяцев через шесть после моего рождения. Она долго таскала меня по врачам, но никто не мог ей помочь.

Мать билась и плакала, пытаясь выяснить причину несчастья. Она рассказывала мне об этом, когда я уже достаточно вырос, чтобы что-нибудь понять.

Никто из врачей не смог сказать о причине моей болезни ничего определенного. Кроме простуды на втором месяце беременности моей матери — то есть на том сроке, когда происходит закладка органов человека, никакой другой причины названо не было. С генетикой все было в порядке. Но легче от этого не становилось.

Тогда мать кинулась возить меня по бабкам да принялась платить дорогим экстрасенсам, которые только стали появляться как раз к тому времени.

Это тоже не принесло никаких результатов.

Мать не теряла надежды. Она стала верить в Бога, стала ходить в церковь и ставить там свечи, и молебны заказывать.

Но ничего не помогало мне стать зрячим.

Мать, правда, осталась верующей. Может, от этого ей легче было принять мою проблему как факт. Правда, теперь уже не спросишь, как оно там было в ее сердце. Она умерла.

Она и меня в церковь водила. Я ходил и даже с удовольствием, пока не вырос. Лет до десяти, а потом — как отрезало. Я и сейчас помню запах ладана и звуки церковной службы. Эти звуки сливались во мне в один таинственный и прекрасный хор... И тишину я помню. Тишину в храме, когда служба еще не началась. Мне тогда казалось, что я слышал, как в храме пели ангелы.

И мать, бывало, спрашивала меня:

— Слышишь?

— Слышу! — отвечал я.

Мать меня нарочно пораньше приводила, чтобы я послушал.

А когда я вырос, то стал отказываться. В церковь ходить, разумеется. До скандалов доходило, и матери пришлось уступить, в очередной раз.

Стало мне невмоготу в церкви стоять. Я уже различал шепот за моей спиной. Не ангельское пение, а человеческий шепот. Этот вечный шепот: «слепой, слепой». Да и веры во мне особой не было.

И ничего не оставалось матери делать, как только оформить мне инвалидность и посвятить мне всю свою оставшуюся жизнь.

Что она и сделала. А мой отец покинул нас, когда мне было около трех лет. Ведь всю жизнь мать посвятила мне, несчастному слепому мальчику. На отца у нее не оставалось ни сил, ни желаний. А у отца и не было ни сил, ни желания посвящать кому-либо свою драгоценную жизнь.

Так что я совсем не знаю, не помню своего отца. Страдал ли я от этого? И да, и нет. Вы лучше спросите меня: «А страдал ли ты от того, что ты слеп?» Слабо спросить-то? Ну да, можно ведь нарваться на душещипательный рассказ о несчастном слепом мальчике. Слепом от рождения, заметьте! Не дождетесь! Не получите!

А вы могли бы подумать, что, возможно, я не так уж и страдал, и даже был более счастлив, чем иные из зрячих? И что мой мир был, более чем ваш, наполнен образами и ощущениями? Вероятно, вы не можете этого даже предположить?

Ведь я не могу сравнить мой мир, то есть тот мир, который существует внутри меня, с тем миром, которым обладает человек, имеющий зрение. Я не могу сравнивать, я не имею альтернативы. Я живу в том мире, в котором живу я, и я не знаю иных миров. Но и вы не окажетесь в моем мире, даже если крепко зажмурите свои глаза. Это будет слишком примитивно!

Есть же на свете твари, слепые по своей природе. Крот, например, или летучая мышь. Но их

слепота относительна. Они слепы для вас, но не для себя. В их мире есть нечто, позволяющее им существовать в пространстве и во времени, в своем отрезке бытия. Вы стали бы жалеть крота или летучую мышь?

Не советую вам жалеть и меня. Не советую. Это — бесполезное занятие, бесполезная трата времени. Я часто думаю: «А мог бы вообще существовать такой мир, где все были бы слепы?»

И у меня нет однозначного ответа на этот вопрос.

Глава 3

У меня есть палочка. Такая обычная тоненькая палочка для слепого, когда он выходит на улицу. Я могу честно сказать, что мне она почти не нужна. Я могу и так передвигаться по улице, особенно по знакомому маршруту. Палочка нужна для зрячих, чтобы они не налетали на меня. Ведь я могу вовремя не среагировать.

Прошли те времена, когда я ползал по асфальту под присмотром мамы. Она заставляла меня щупать и запоминать: и шершавую поверхность асфальта, и теплую мягкость земли в палисаднике, и шелковую бахрому травы, и кусачесть придорожных колючек.

Потом мама тренировала меня, заставляя запоминать повороты дорожек на даче. И когда я запоминал и все правильно рассказывал ей на словах, мама устраивала мне экзамен. Она заставляла меня самостоятельно идти, а потом и бежать по этим дорожкам.

А потом наступал такой момент, когда я уже не понимал — по памяти ли я бегу, или по ощущению. По ощущению поворота, лежащего впереди...

Спасибо тебе, мама.

Теперешний же маршрут был хорошо мне знаком. Но расслабляться было нельзя. Все-таки улица. Оставаться дома я не мог, я не мог больше находиться в одной квартире с моей женой, с Таськой моей разлюбезной. Миг принятия окончательного решения был тяжел, и я хотел немного его отдалить. Оттянуть, так сказать. Сердце щемило.

Я накинул куртку, взял свою палочку-брынчалочку и надел свои темные очки для улицы. Насколько темны мои очки, это только Бог знает. Короче, я отправился к Ваське.

Тася пыталась что-то крикнуть мне вслед, но я плотно и спокойно закрыл за собой двери. Когда-то мать учила меня и этому.

— Если тебе будет очень больно, сынок, — говорила она, — постарайся оставаться спокойным. И чем больше тебе больно, тем более спокойным ты должен быть, хотя бы внешне, понимаешь?

— Почему? — спрашивал я.

— Потому что на свете очень много жестоких людей, а еще больше — просто дураков, сынок.

— Ну, и что?

— Когда ты спокоен, ты не даешь первым — повода для злорадства, а вторым — повода для сопливой жалости. Единственный, перед кем ты можешь, и перед кем ты должен не скрывать своих истинных чувств — это Бог. Богу не стоит врать, потому что Бога — не обманешь.

— А как же мне оставаться спокойным, когда внутри все кипит? — спрашивал я.

— А ты про себя говори: «Господи, помилуй меня, грешного». И так повторяй, пока не успокоишься.

Она была мудрой, моя мать.

Ее рецепт выручал меня не раз. По крайней мере, шепот, и не только шепот, но насмешки и ругань в свой адрес типа: «понарожают уродов», я переносил спокойно, не дергаясь телом, и почти не дергаясь душой. Тем более, на людях.

А сейчас... Как мне хотелось закричать: «Мама! Мама!»

Я в очередной раз повторял: «Господи, помилуй меня, грешного...»

Итак, я отправился к Ваське. Ибо более подходящего места, на данный момент, я не мог себе представить. Такого места, где никто не плюнет тебе в душу. Более того, извините, никто туда даже и не посмотрит. Не посмотрит не потому, что слеп, а потому что у хозяина глаза залиты. А не плюнут на тебя персонально — потому, что уже давно и на все плюнуто. Оптом, так сказать. Васька зрячий. Но пьющий.

Я легко преодолел знакомый маршрут, стараясь сосредоточиться исключительно на дороге.

Вонючий подъезд, скрипучий лифт. Шестой этаж. Звонок справа.

Только бы Васька был дома!

— Привет!

На меня пахнуло таким густым перегаром, что, казалось, его можно было разрезать на куски, запаковать в банки и импортировать за границу, разумеется. А на банках написать название продукта, что-нибудь вроде: «Ностальжи». Или «Тоска по Родине».

Васька взял у меня палочку и хлопнул по плечу.

— Привет! — повторил он. — Входи. Ты вовремя, как всегда. Нюх не потерял.

Ваське около сорока. Его лицо я трогал. Да, как-то был такой момент, когда я и сам был в такой же кондиции, как Васька.

Вообще-то я не люблю просить... подставлять лица, что ли. Для меня в этом есть нечто интимное. Я определяю людей иначе. По запахам, по звукам и еще как-то, чего я не могу выразить словами. А ощупывать, трогать... не всех. И даже не хочу.

Васькино лицо, в ощущении, было хорошим. Это было тогда, несколько лет назад, но для меня — как будто вчера. Волосы мягкие, чуть-чуть вьющиеся. Довольно длинные. Кожа не сальная. Лоб с продольными морщинами, широкие брови. Припухлые веки. И верхние, и нижние. Под глазами мешки. Широкие скулы, крепкий нос, глубокие носогубные складки. И губы — в меру мягкие и в меру пухлые. Твердый подбородок. Щетина. И сложения Васька довольно плотного, только плечи слегка ссутулены.

Сейчас же Васька отпустил волосы и завязывает их в хвост. А на макушке у Васьки появилась проплешина. Это легко определить, стоит только провести рукой по Васькиной голове. Это — я могу, это же не лицо ощупывать.

Мне очень нравятся у мужчин длинные волосы, завязанные в хвост. Я сам стал носить такую прическу. Говорят, что у меня волосы по цвету светло-русые. Но мне это ничего особенного не говорит.

Васька взял меня за руку и втащил в кухню.

— Знакомьтесь, — сказал Васька. — Это Саня. Так, Саня, Нинулю ты знаешь, а тут еще Алена и Паша Питерский, мой кореш давнишний, со своей девушкой, понимаешь...

— А что, товарищ не понимает, что с девушкой?

Женский голос был прокуренный и принадлежал особе в приличном подпитии.

— Потише ты! — шикнула на нее Нинуля. — Он не видит!

— Да, не вижу, не вижу совсем, и не видел никогда, — сказал я, чтобы предотвратить дальнейшие расспросы. — Не обращайте внимания.

— Садись! — Васька усадил меня на табурет. — Тарелку давайте и стакан. А расспросы потом.

— Давай, Саня, наверстывай, — сказала Нинуля своим низким голосом, полным обертонов.

Она придвинула к моей руке холодноватый стакан. — Что тебе положить?

— Шпроты давай, — сказал я. — И картошку. Огурец можно.

— А говорит, что не видит! — это Алена.

— Я нюхом чую, — сказал я.

— Ну ты даешь! А какие у меня духи, можешь сказать?

Я мог бы сказать ей, что неплохо было бы помыться и что дешевый дезодорант — отнюдь не заменит хорошей ванны. Но я промолчал.

— Я не спец по духам, — сказал я. — Но могу запомнить твой запах и потом опознаю тебя, даже если ты будешь молчать.

— С тобой опасно иметь дело, — сказал Паша Питерский.

Голос у него был мягкий и как бы двухслойный. Такой голос мог легко расслоиться на фальцет и на бас.

— Ну, за встречу! Хватит отвлекать человека от главного! А что главное в нашей жизни? Правильно! Вовремя налить и вовремя принять!

Я выставил вперед свой стакан. И все чокнулись об него. А потом я опрокинул в себя содержимое.

Глава 4

Я не часто мог позволить себе подобное. Алкоголь, конечно, поначалу обострял ощущения, и это было здорово. Но потом алкоголь так быстро отуплял их, эти ощущения... Я оказывался словно брошенным в глухую, со всех сторон закрытую яму. Не часто я мог себе это позволить, и не везде. Но у Васьки... У Васьки — мог. Если что, меня сложат тут же, в соседней комнате. На диване или просто на спальнике, вечно валяющемся в углу... За что я был всегда благодарен Ваське.

А вообще, единственный человек, кого я мог бы безусловно и бесконечно благодарить, это была моя мама. Была... К сожалению, была. Вот уже два года, как нет ее. Как она меня школила, как натаскивала! Как щенка, как собаку натаскивала на запахи, на звуки, на ощущения...

Сколько книг она перечитала мне вслух! И все заставляла читать по Брайлю. И спрашивала меня, чтобы я рассказывал ей содержание. И как только терпения у нее хватало!

И, конечно, мама учила меня музыке. До одурения. Начиная с пяти лет, а может, и раньше. Потом проходила со мной и музыкальную школу и училище. Все это — с пометкой «для слепых».

Но «слепого музыканта» из меня не получилось. Того самого «слепого музыканта», как в известной книжке писателя Короленко. Получился лабух ресторанный.

Чего-то мне не хватило, чтобы перешагнуть черту и стать музыкантом в том смысле, какой вкладывала в это слово моя мама. Не было во мне ни музыкального огня, ни музыкального тщеславия. А может, и таланта было маловато. Хватило меня

только на то, чтобы научиться сносно стучать по клавишам, влет подбирая знакомые мелодии. И на том спасибо.

Мать быстро оправилась от своих честолюбивых мечтаний в отношении меня. И она же была первой, кто сказал: «Главное, сынок, на кусок хлеба ты всегда заработаешь. Профессия у тебя в руках — в прямом и в переносном смысле». И за это — я еще больше ее зауважал.

Ресторан, конечно, не то место, где можно оттачивать ощущения. Но у меня своя система...

Да, кстати, в ресторане я и нашел свою Таську. Вернее, она меня нашла. Таська работала официанткой в нашем ресторане. Да и сейчас там же работает.

Мать еще жива была, когда я впервые привел Таську в нашу с мамой двухкомнатную квартиру. Таська приехала с Украины, и у нее в Москве не было ни кола, ни двора.

Мама плакала. Она на дух не переносила Таську.

— Сынок, сынок, она же не любит тебя! Она же только из-за прописки спит с тобой! — причитала мать.

— Милый, я уже не могу терпеть, как твоя мать тебя ревнует! — возмущалась Таська. — Она думает, что будет с тобой всю жизнь жить, как с маленьким! Она что, не понимает, что ты мужик? Да такой классный мужик!

По правде сказать, я был на стороне Таськи. Роман наш был бурным, страстным и прекрасным. Нет, так любить, как любила меня моя Таська, из-за прописки было невозможно! Так любить можно было — только из-за любви! И мы поженились, почти сразу.

Почти год я не ходил, а на крыльях летал. Мне кажется, что и Таська летала. Короче, летали

мы, летали и долетались... На втором году нашей совместной жизни умерла моя мать. Внезапно, от сердечного приступа. Казалось бы, теперь некому стало Таську ругать. Живи и радуйся.

А получилось наоборот. Сначала охлаждение, потом холод. А потом — и вот эта вся ерунда... Да аборт еще. Таська была беременна, еще перед смертью матери. Как я просил ее оставить ребенка!

Кому я могу рассказать о том, как оплакивал его, моего нерожденного ребенка. Сына. Это — наверняка был сын, я это чувствовал.

А Таська сказала то, что думала:

— Не хочу рожать еще одного слепого, — сказала Таська.

Это было жестоко. Таська ведь была в курсе, что с генетикой у меня все в порядке. Может, этот аборт и подкосил мать. Она же верующей была и по-другому смотрела на все эти вещи.

— Смертный грех, сынок, смертный грех... — говорила мать. — Убийство, сынок, убийство, под нашей крышей...

Да, больно это было, но кто теперь разберется...

— Между первой и второй, — сказал Паша Питерский.

— Промежуток небольшой, — подхватила публика. — Давай, Саня, наверстывай.

И я влил в себя второй стакан.

Глава 5

— А где Тася твоя? — спросила Нинуля.

— Дома осталась. Сегодня ее смена, с десяти. А я отпросился на два дня. На понедельник и на вторник.

Наш ресторан — довольно средненькое заведение. Но есть в нем своя публика, которая начинает раскачиваться где-то с середины недели.

В ресторане я и с Васькой познакомился. Еще до того, как мы начали встречаться с Тасей.

Тогда у Васьки было денег побольше, и Васька частенько сиживал у нас. С компанией таких же, как и он сам. Только безденежных.

Я обычно не хожу через зал. А тут я опаздывал и пошел к эстраде прямо от порога. Васька сшиб меня с ног, крича при этом ту самую фразу, от которой не то что обидно, а просто уже смешно:

— Ты что, слепой?

— А ты догадайся с трех раз, — ответил я ему, поднимаясь.

Васька догадался. Он проводил меня до эстрады и целый вечер заказывал музыку. Репертуар его был... ну как бы это сказать...

Напоследок он заказал сыграть Сергея Санина: «С моим Серегой мы шагаем по Петровке». Песня была во всех отношениях не кондиционная для нашей ресторанной публики.

Слова знал Петрович, ударник. Петрович у нас — самый старый, ему уже пятьдесят скоро.

А Васька, добрая душа, уже в конце вечера подошел и спросил, не надо ли меня до дома подбросить. И извинялся, извинялся. Понятно, что пьяный. Но не каждый трезвый извиняется, это я вам точно могу сказать.

Как ни странно, я поверил Васькиному голосу и согласился. А поскольку я живу от своего ресторана в двух троллейбусных остановках, мы проделали этот путь пешком. И с этого вечера началась наша дружба.

По дороге он и объяснил мне особенности своего душевного репертуара. Васька был геологом. Он застал еще длительные полевые командировки и длинные полевые рубли. Но система развалилась, и Васька оказался не у дел.

За два года до встречи со мной Васька развелся с женой, по причине безденежья и пьянства. Пришлось разменивать трехкомнатную квартиру, и Васька оказался в том месте, где мы сидели в настоящий момент — в старой, занюханной, однокомнатной «хрущебе». Ему удалось еще пару раз выбраться в какое-то левое «поле», после чего он и гулял у нас в ресторане. А сейчас Васька был на мели, на такой широкой и болотистой мели... Перебивался случайными заработками.

— Ну, для тех, кто опоздал, повторяем третий тост, — сказал Васька. — За тех, кто в море, в поле, на вахте и на гауптвахте!

Жидкость забулькала в мой стакан.

— Васька, ты имей в виду... если я выпью за тех, кто в море... ровно столько, сколько вы мне наливаете, я уже никуда не уплыву, — сказал я. — Тут и встану на якорь. Как, Нинуля, ты не против?

— Вот-вот, оставайся, — сказал Васька. — Это Нинуля сегодня отчаливает.

— Ну, тогда — за тех, в море! — и я опрокинул в себя третий стакан и забросил в рот шпротину.

— За тех, кто не тонет в житейском море, — сказал Паша Питерский.

— Да кто же не тонет, — сказал Васька. — Все тут барахтаемся да воздух ртом хватаем. Руки уже устали по воде-то колотить. Иногда думаешь... а ну его на фиг... кинуть бы все это, да сразу на дно. Честнее будет.

— Нет, ну это ты брось, Вася, — дурноватым голосом вступила Алена. — А как же прекрасный пол? И вообще, почему это не пили за дам?

— И за дам, и задам, но не вам...

Послышался звук оплеухи, и Васька быстренько исправился:

— Ах, извините! За милых женщин, наших дорогих подруг! Которые не оставляют нас нигде — ни на земле, ни на воде, ни за столом...

— Васька, гад!

— ...ни под столом!

Теперь уже все смеялись.

— Стоя! Кавалеры пьют стоя!

— Если смогут встать...

Глава 6

Мы похмелялись с Васькой наутро. Васька сбегал за поллитрой и за сигаретами. Вчера докурили все, до последнего бычка.

В который раз я порадовался, что так и не начал курить. Пробовал, конечно. В ресторане — как не попробовать. Но так здорово это дело отшибает нюх! Нет, мне нельзя было курить. Иначе — мне в два раза сложнее было бы существовать.

— Ох, и хреново, — стонал Васька.

— Хреново, — соглашался и я, пытаясь сжать голову руками, чтобы не болела.

Головная боль не отшибла боль душевную. Нечего было и надеяться.

Это вечером было хорошо, а с утра тоска моя ожила и стала еще острей. И я застонал.

— У-у, — застонал я.

— Что, совсем плохо? — заботливо спросил Васька. — Это мы сейчас поправим.

— Не поправишь уже, — ответил я Ваське и глотнул из стакана.

— Что случилось?

— Таська... — промямлил я. — Застал...

— Вот оно что...

— Оно самое...

И вдруг меня осенило:

— Ты знал? — спросил я Ваську.

— Угу.

— Давно? Не бойся, теперь уже все равно.

— С год.

— Тимоха?

— Последний — да.

— Последний...

— Да что с нее взять, Саня. Шлюха она, шлюха по жизни. Как это она еще с тобой продержалась больше года!

— Ты имеешь в виду — со слепым?

— Я имею в виду — с одним мужиком, почти два года! Это для нее — подвигу равносильно.

— Тоже мне, героиня...

Молчание за столом было тягучим и липким. Васька налил в стаканы.

— Поднимай, — сказал он. — Поднимай — за нас. Моя вот тоже... ты же знаешь... Я, конечно, пьянь и все такое... В вечных временных затруднениях... Но она же замуж уже выскочила! Я — холостяк, а она — замужем уже! А теперь еще хочет дочку на нового папу перевести.

— Как?

— Ну, чтобы я от дочки написал письменный отказ, а новый папаша — чтобы ее усыновил. И свою фамилию ей дал, и свое отчество. И алиментов ей моих не надо. «Не надо мне твоих вшивых алиментов», — это она так говорит. Честно говоря, какие от меня теперь алименты, елки...

— А ты что?

— Что? Ничего! А что тут можно сказать? Плюнуть и растереть. Ты понимаешь, что они за стервы, эти бабы! Век бы их не видел и не знал бы ни одной! Так нет! Надо... Вот Нинуля теперь присосалась...

Васька как бы всхлипнул, потом крякнул и пристукнул стаканом о стол.

— Так что ты делать будешь? — спросил он.

— Вот в этом-то и есть главная проблема. Что делать, и кто виноват... — я тоже пристукнул стаканом о стол, а потом стал выбивать незатейливый ритм: та-та, та-та-та....

— Разводиться будешь?

Та-та, та-та-та...

— Квартиру придется менять, — Васька все говорил за меня.

— Хорошо, хоть детей нет...

Та-та, та-та-та...

— Твою двухкомнатную — только на две коммуналки.

Та-та, та-та-та...

— А как ты жить будешь — один?

Та-та, та-та-та...

Глава 7

Как я буду жить один? Как я буду жить один? Как я буду жить один?

Мы с Васькой хорошо похмелились, и я снова завалился на диван. На работу мне было только завтра, и к вечеру.

— Спи, — сказал Васька. — Спи, сколько хочешь. А я пойду, схожу тут к мужику одному. Он обещал меня взять в ЧОП.

— Куда?

— В частное охранное предприятие. Сторожем буду. Сутки через двое, а то и через трое. Масса времени для личной жизни. И пить там у них нельзя. А то я уже синего цвета стал.

— Смешное слово... ЧОП. Во все дырки затычка.

— Вот-вот, — проворчал Васька.

— Ты бы по специальности поискал, — заикнулся я.

— Хорошо, Саня, что ты меня сейчас не видишь. По специальности... Да мне для этого месяц надо в себя приходить! Да и нет этого сейчас, по специальности-то... государственное все развалилось, а до частного — не дошло еще. Кто будет тебе в смутные времена геологоразведку финансировать? ЧОП, ЧОП, ЧОП!

И Васька покинул свое жилище, оставив меня наедине со своими невеселыми размышлениями.

Вот теперь — можно было дать себе волю! Можно было повыть, хоть во весь голос. И я завыл.

— У-у-у... — завыл я.

Я выл, потому что я был... растоптан, унижен... Я был помножен на ноль... Рушилась, летела под откос вся моя жизнь.

Распадалась, на мелкие осколки — моя, еще теплившаяся, любовь. Исчезала моя надежда. Да и сколько можно было моей надежде держаться на самообмане, как на тонкой ниточке...

Слепая тоска подбиралась ко мне и забирала меня всего, целиком, со всеми моими потрохами. Слепая тоска. Такая же, как и я. Слепая от рождения.

— У-у-у....

Я ведь любил ее, мою Таську. Еще любил. Да, было охлаждение в последнее время. Но ведь было больше года любви! Было счастье любить, и было

Я простился с ребятами в палате, потом с медсестрами, но тянул, тянул время, был уже одет, и надо было уходить. На лифте я спустился на первый этаж и толкнул выходную дверь.

Голова немного закружилась от свежего и холодного воздуха, ударившего в лицо. Я сделал несколько шагов по ступенькам, идущим от главного входа вниз.

И тут...

Сначала я ощутил удар, потом — услышал звук и только потом почувствовал боль. Боль была кратковременной, разрывающей, острой.

«Они», — успел подумать я, схватился руками за живот и увидел, как сквозь пальцы проступает кровь.

Я начал кричать, но вместо крика услышал, как из моей глотки вырывается хрипение... хрип...

В глазах потемнело, и я ощутил, что падаю. Я услышал крики людей, но я не мог им ответить.

Последнее, что я услышал, — это был удар собственной головы об асфальт.

Сияющий свет обнял меня. Свет и тепло. Я рванулся навстречу свету.

Рванулся, рванулся...

Я рвался, но почувствовал преграду.

Я тянул руки к свету и к теплу. Я видел, как внизу разворачивается... разверзается черная бездна. Но я поднимался вверх, все выше и выше над этой бездной, и вот она уже совсем исчезла из поля моего зрения. Рухнула последняя преграда, и свет принял меня в свои объятия.

И тут я услышал голос.

— Здравствуй, человек! — услышал я.

— Здравствуй, Бог... — ответил я. — Здравствуй, Бог.

СОДЕРЖАНИЕ

Как мне хочется прозреть 3
Повесть

Хирургическая сюита 141
Повесть

Портрет рыбака на фоне зеленого моря 241
Повесть

Кто клянется... или Короткая беседа на четырнадцатый псалом 331
Повесть

Художественно-публицистическая
серия «ВЕРУЮ»

Татьяна Владимировна Шипошина

КАК МНЕ ХОЧЕТСЯ ПРОЗРЕТЬ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Выпускающий редактор *И. Черкесова*
Редактор *О. Темнова*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Дизайн обложки *К. Петров*
Корректоры *Е. Пятаева, Т. Горячева*
Верстка *И. Покидова*, *А. Лукина*

Подписано в печать 08.11.2010. Формат 84x108/32
Физ. печ. л. 14. Тираж 5000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@rop.ru

http://www.rop.ru